

Цуй Мин-дэ, что было для неё редкостью, изменилась в лице и, глядя на меня, спросила:

— Ты не знаешь?

Вэй Хуань ответила за меня:

— Она с детства слаба здоровьем, её растили в неге, и Ваше Величество запрещала рассказывать ей о многих вещах.

Цуй Мин-дэ сложила веер, прикрыв половину лица, и, опустив глаза, произнесла:

— В первый год правления Линьдэ войска Священной династии вошли в столицу Когурё и увидели там огромный цзингуань.

Я не поняла смысла её слов и тут же взглянула на Вэй Хуань. Та слегка кашлянула и пояснила:

— Цзингуань — это высокий курган, сложенный из вражеских тел и засыпанный землёй. Говорят, когда господин Лю вошёл в столицу Когурё, на тридцати ли вдоль главной дороги лежали груды белых костей — все останки ханьцев. Со времён династии Суй и до наших дней их накопилось не менее сотен тысяч. Господин Лю по указу собрал все кости и похоронил их на месте, что заняло целый месяц.

Цуй Мин-дэ кивнула:

— С тех пор в столице сложился обычай считать Когурё самым низшим из варварских государств. Если хотят кого-то обозвать уродливым, называют «корейским рабом».

Я застыла в молчании. Вэй Хуань, снова выглянув наружу, с улыбкой сказала:

— Это варвары приносят дары. Силла привезла много корейцев — хотя и сама Силла после войны с Когурё не раз посягала на наши земли, так что тоже не лучше.

Цуй Мин-дэ кивнула:

— Силла непостоянна и крайне подла. Сейчас из-за угрозы со стороны Туфани мы вынуждены с ними лавировать, но на самом деле... — Она вдруг прикрыла рот, кашлянула и добавила:

— Нынешний император мудр и доблестен, а Тяньхоу добродетельна, благодаря чему сегодня мы видим, как сотни варваров приходят с поклоном.

Тем временем евнухи уже начали вести процессию через ворота дворца. Я сначала хотела посчитать, сколько здесь вождей, но вскоре глаза устали. Приказ Тайчан заиграл музыку, почти не отличимую от той, что звучала при поклонении отцу. Чиновники и вожди варваров остановились у ворот Гуаншунь, совершая торжественные поклоны под ясные звуки музыки. Она была настолько громкой, что даже слова церемониймейстера были отчётливо слышны издалека.

Мы все трое заворожённо смотрели на это. Вэй Хуань и я невольно прижались друг к другу. Я держалась за парашет, а она — за мои плечи. Мы, как две наивные школьницы, встали на цыпочки, чтобы лучше видеть. Цуй Мин-дэ тоже замолчала, прислонившись к стене. Когда процессия начала удаляться, мы всё ещё смотрели вслед, охваченные разными чувствами, но не зная, как их выразить. Первой заговорила Вэй Хуань:

— Глядя на них, кажется, будто они — муравьи.

Я с недоумением посмотрела на неё. Она покачала головой и через некоторое время произнесла:

— Я думаю о том, что, кажется, мой отец тоже там.

Цуй Мин-дэ спокойно сказала:

— Раз это большой приём, то все чиновники и подчинённые, естественно, должны явиться.

Я задумчиво смотрела вдаль. Толпа уже рассеялась, а вдаль виднелись одни за другими дворцовые ворота. За ними лежали шумные улицы и кварталы. Я когда-то проходила через эти ворота и гуляла по многим улицам, но тогда всё это казалось мимолетным. Теперь же, стоя здесь, я словно впервые осознала, что такое наша страна — Великая Тан. Эти два слова никогда раньше не имели для меня такого значения. Эта династия, как и многие другие, продлится всего два-три столетия. Но именно она, поднявшись из войн и бедствий, стала одной из самых могущественных в истории. И сейчас это могущество ещё не достигло пика. Через несколько десятилетий, может быть, при моём поколении, а может, при следующем, она станет величайшей империей в мире.

Великая Тан — это моя страна в прошлом и будущем. И, будучи членом императорской семьи, я чувствую... огромную честь.

— Указ: Шангуань Ваньэр, по характеру мягкая и добрая, по поведению кроткая, внешностью достойна выбора, как в «Гуаньцзюй», а добродетелью сравнима со стихами «Цзимин». Она способна проявить добродетель во внутренних делах, поэтому назначается Цайжэнь.

Выслушав указ, Ваньэр с трудом выдавила улыбку. Матушка достала шёлк, но евнух вежливо поклонился и сказал:

— Госпожа Цайжэнь, вы же знаете нашу госпожу, я не осмелюсь принять это.

Матушка несколько раз пыталась уговорить его, но тот, не в силах отказаться, улыбнулся:

— Если так, то попрошу у госпожи Цайжэнь чашку чая и кусочек угощения — и буду считать себя вознаграждённым.

Матушка всё ещё говорила: «Как это возможно?» — но Ваньэр уже повернулась к ней и тихо позвала:

— Матушка.

Матушка посмотрела на неё, встала и достала чай из Цзиньчжоу, который долго хранила, заварила его и подала угощения.

Евнух, отпив чаю и взяв кусочек угощения, улыбнулся:

— Благодарю вас, госпожа. Мне ещё нужно готовить подношения, так что я прошу прощения.

Ваньэр и матушка вежливо проводили его, и, как только он вышел, матушка изменилась в лице, ударив рукой по принесённой одежде, и строго спросила:

— Говори, что случилось?

Ваньэр растерянно смотрела на дверь, через которую ушёл евнух, затем медленно обернулась

и, уставившись на одежду, тихо произнесла:

— Я... не знаю.

— Не знаешь? — Гнев на лице матушки стал ещё заметнее. Раньше Ванъэр боялась, когда она так злилась, но теперь этот явный гнев казался ей менее страшным, чем одна фраза, произнесённая той женщиной. Она до сих пор помнила, как дрожала, когда та, слегка наклонив чашу вина на колено, спокойно произнесла: «Выйди на коленях».

Ванъэр думала, что Тяньхоу уже устала от её самонадеянных уловок, но вместо наказания получила лишь лёгкую фразу: «Оставайся рядом со мной в качестве придворной дамы».

Была ли эта женщина поистине великодушной или только притворялась, Ванъэр не знала. Она знала только, что та снова простила её и дала ей выбор.

Слово «придворная дама» было крайне двусмысленным. Прислужницу, обслуживающую повседневную жизнь, можно было почтительно называть «придворной дамой». Близкую особу, ведущую церемонии с заколкой для волос, тоже можно было так именовать. Тяньхоу, бросив эту фразу, изначально имела в виду женщину-чиновника с рангом или просто приближённую служанку с некоторым почётом — Ванъэр не могла знать. Но она знала, что у неё только один выбор.

Лучше скрывать неумение и хранить простоту, чем выказывать самонадеянную хитрость.

Матушка, наверное, тоже понимала это? Поэтому её гнев был не из-за того, что Ванъэр забыла о мести за отца и деда и стала помощницей врагу, а скорее из-за страха перед Тяньхоу — они были изгнанниками, живущими в Дворце Етин, и теперь, став Цайжэнь, должны были каждый день служить перед императором. Каким же страшным будет это время?

Ванъэр не решалась представить это. Она посмотрела на матушку, лицо которой было бледным от гнева, с оттенком отчаяния.

— Не знаю, — повторила матушка, глядя на Ванъэр. — Ты не знаешь?

Ванъэр скрыла все свои тревоги и улыбнулась:

— Хотя я не знаю всех деталей, но, судя по всему, это всё ещё империя Ли, и та женщина всегда любила показывать свою великодушную добродетель. Назначение меня Цайжэнь, вероятно, лишь для того, чтобы я заняла номинальное место в гареме. В конце концов, как потомок преступников, я вряд ли могу завоевать расположение императора, и в моей семье нет никакой власти. Я — идеальный выбор.

Матушка с сомнением посмотрела на неё, и гнев немного утих. Ванъэр знала, что убедила её, и, обняв матушку, сказала:

— Матушка, не волнуйся. Та женщина всегда была справедлива. Если она столько лет не трогала нас, то вряд ли вдруг вспомнит. Кроме того, разве вы думаете, что наше положение стоит того, чтобы она так усердствовала?

Матушка поверила ей, и гнев полностью исчез с её лица. Она села и через некоторое время добавила:

— Ты... будь осторожна. В чертоге Цзычэнь нет простых людей, как тот человек...

<http://bllate.org/book/16278/1466597>